

МИХАЭЛЬ МЭРТЕНС:

Я стал актером не для того, чтобы прятаться за колоннами

рубрика — 2004 — 11 — 17 нояб. — 13

Спектакль режиссера Клауса Пеймана "Полуденный блюз" по пьесе Петера Хандке в Берлине ансамбле уже сейчас называют одним из театральных событий сезона. Пейману пришлось ждать целый год, прежде чем он смог начать работу над пьесой этого драматурга — режиссера, сценариста и одного из активных представителей "новой волны" в немецкой литературе 70-х. Поначалу "Полуденный блюз" должен был поставить в Вене Люк Бонди. Но после первых репетиций Бонди отказался от проекта. И Хандке дал Пейману карт-бланш. Пейман считается признанным специалистом по постановкам пьес этого драматурга, а его спектакли по "Каспару" и "Поруганию публики" могут служить начинающим режиссерам чем-то вроде настольного пособия. На этот раз перед ним стояла непростая задача. Место действия спектакля — вагон метро. А вместо действия — бесконечные монологи главного героя Вилдмана, осыпавшего пассажиров оскорблениями.

Пейман справился со всеми трудностями благодаря протагонисту спектакля актеру Михаэлю Мэртенсу. Его герой, судорожно вцепившийся в железный поручень метро и яростно выкрикивающий оскорбления, похож на пророка или юродивого, который говорит правду, чтобы согранные наконец осознали, что с ними происходит.

Спектакль вызывает противоречивые реакции. Часть зрителей возмущается беззастенчивостью героя, другие говорят, что Хандке в пьесе, написанной больше тридцати лет назад, предсказал то, что случится с человечеством в будущем. А Пейман считает, что жанр его спектакля — злобный и одновременно веселый фарс. "В трудные для человечества времена мыслители бьются над разрешением возникших перед ним проблем. А театральным людям остается только отразить и высмеять все, что кажется нелепым и мешаниной", — говорит режиссер. После премьеры корреспондент журнала "Штерн" встретился с Михаэлем МЭРТЕНСОМ.

— Господин Мэртенс, вы сыграли главную роль в спектакле "Полуденный блюз" по пьесе Петера Хандке. Вам нравится то, что он пишет?

— Он прекрасный поэт и потрясающий мужчина. Я завидовал ему, когда был подростком. По ночам я мечтал, что стану таким, как он, потому что рядом с Хандке были такие женщины, как Жанна Моро и Мари Колбин. В его пьесах загадочные ремарки. Самая странная из них в "Полуденном блюзе": "курица, повернувшись хвостом вперед, бежит через сцену". Наш режиссер Клаус Пейман долго ломал над ней голову. Требовал, чтобы нашли специального дрессировщика для кур, но после того как сменилось несколько дрессировщиков, стало ясно, что курицу нельзя научить бегать хвостом вперед. И все-таки Пейман нашел выход и надел на курицу специальный костюм: ее голову закрывал искусственный хвост, а к хвосту прицепили искусственную голову. Все получилось так, как задумывал автор.

— Во время вечеринки после премьеры вы долго разговаривали с Хандке. Какое он

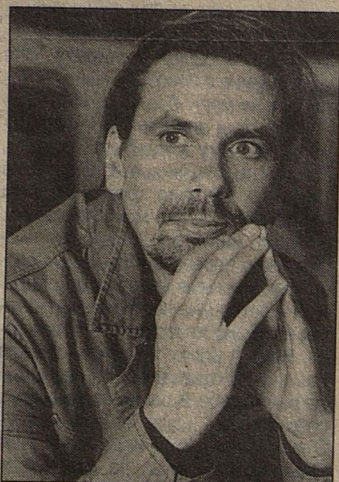

Фото из журнала "Штерн"

М.Мэртенс

произвел на вас впечатление?

— Он показался мне очень нежным, изысканным, красивым и очень-очень застенчивым. Его нерешительность делает его еще нерешительнее. Он подарил мне пероптицы, которое нашел на берлинском Инвалидном кладбище.

— В "Полуденном блюзе" вы играете Вилдмана, который едет в метро и все время ругает пассажиров. Вы довольны своей ролью?

— Поначалу я подумал: "Как замечательно, я говорю целых два часа!" Затем понял, что этого человека очень трудно сыграть. На первой читке текст Хандке показался мне искусственно сконструированным. Теперь он кажется живым, трогательным и очень нравится мне.

— Герой Хандке — человек, который все время нападает на своих ближних. Как вы к этому относитесь?

— По-моему, Вилдман — мизантроп, который не переносит нашей безумной цивилизации. Иногда утром, выходя в плохом настроении из вокзальных дверей, я тоже думаю: "Прочь с дороги, мешок, провонявший перегаром, с поганым портфелем в руках!" Но в тирадах Вилдмана скрыто разочарование: ему не хватает любви и человеческого общения.

— Господин Мэртенс, как вы относитесь к тому, что вас называют "одним из лучших современных актеров"?

— Я стал актером не для того, чтобы быть на сцене как можно незаметнее или прятаться за колоннами.

— Все актеры хотят нравиться публике?

— В Зальцбурге я играл в одном спектакле с такими известными актерами, как Ульрих Вильдгубер, Игнац Кришнер, Ханс-Михаэль Реберг, Петер Фиц и Отто Зандер. Хотя сцена была очень большой и мы должны были играть на заднем плане, примерно через тридцать секунд мы начинали приближаться к авансцене. В этом спектакле я играл режиссера и должен был возвращать своих коллег на задний план. Но проходило тридцать секунд, и кто-нибудь из них неизменно оказывался впереди. В актерах сидит какой-то древний инстинкт, заставляющий завоевывать внимание зрителей.

— Для вас оно насколько важно?

— Я не принадлежу к актерам, которые, оказавшись на сцене, не замечают, что происходит вокруг. Я вижу все, что делают зрители. Например, как ученики младших классов, скучая на спектакле, начинают активно общаться, посылая друг другу SMS. А по выражению лиц критиков могу предсказать, кто из них какую рецензию напишет.

— Рассказывают, что вы, играя в Бохуме вместе с Гэральдом Шмидтом спектакль "В ожидании Годо", после звонка мобильного телефона в партере сказали: "Скорее пойдём туда, наверное, это Годо!"

— Мне было неприятно слышать звонок, но по-моему, я правильно на него отреагировал. После этой реплики зал долго аплодировал мне. А человек, не выключивший мобильник, получил по заслугам.

— Ваш дедушка восемнадцать лет был директором гамбургского театра "Талия". Ваш отец пятьдесят лет играл на сцене. А вы дважды проваливались на вступительных экзаменах в театральный институт.

— По-моему, мне это пошло на пользу. Я был чересчур уверен в своих способностях и красоте. И проходя мимо витрин, всегда любовался собой.

— Театральные критики называют вас суперзвездой. Почему вы не снимаетесь в кино?

— Одно дело играть перед зрительным залом и совсем другое — перед глупой камерой, которая стоит на расстоянии полтора метра. Но не исключено, что я еще сыграю в интересном фильме.

По материалам журнала "Штерн" подготовила Ольга РОМАНЦОВА

Фото из журнала "Штерн"

Сцена из спектакля